

УДК 32.327.5

DOI: 10.17223/19988613/50/8

Д.В. Березняков, С.В. Козлов

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ АЛЬЯНСОВ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Исследование выполнено в рамках НИР «Расширение Евразийского экономического союза (ЕАЭС): стратегия развития в условиях новых политико-экономических реалий, перспективы государств – участников и кандидатов» (ГК № УД-1035Д).

Рассматриваются процессы интеграции на евразийском пространстве сквозь призму концепции альянсов в теории международных отношений. Сравниваются ЕС и ЕАЭС как альтернативные модели альянсов. Кратко анализируя основные особенности и риски евразийской интеграции, авторы выдвигают идею о перспективности стратегии конструктивного партнёрства как рамочной парадигмы долгосрочного планирования интеграционных процессов.

Ключевые слова: альянсы; ЕАЭС; международные отношения; держава-гегемон; стратегия конструктивного партнерства; стратегия принуждения к партнерству.

Концепция альянсов в теории международных отношений: краткая характеристика. Одна из доминирующих и очевидных, как для политиков, так и для экспертов разных стран, тенденций в развитии международных отношений с начала XXI в. состоит в усилении роли и статуса России в постбиполярной системе международных отношений. Это позволяет говорить о том, что Россия постепенно возвращает себе статус «великой державы», что самым серьезным образом влияет не только на внутривосточные процессы, но и на характер стратегического поведения нашей страны в качестве геополитического субъекта такого типа.

В этой связи стратегия развития Евразийского экономического союза в средне- и долгосрочной перспективе может быть рассмотрена в логике концепции альянсов в международных отношениях. В рамках данного подхода основной акцент делается на принципиальной роли формирования и поддержания альянсов (коалиций) вокруг и против стран, претендующих на статус «великих держав». Под альянсами в данном случае понимают формальные и неформальные обязательства государств-участников вступать в отношения сотрудничества в определенных областях с определенными целями. Такая интеграция может происходить в различных сферах (военно-технологической или экономической), но в любом случае все участники альянса берут на себя определенные обязательства по кооперации и поддержанию возникшей структуры в актуальном состоянии [1]. Суверенные государства в рамках альянсов объединяют ресурсы разного типа для совместного противостояния внешним вызовам и угрозам, источником которых выступают государства, которые не входят в данный альянс. Соответственно сформированные альянсы начинают оказывать влияние на поведение их участников, что выражается в расстановке тех или иных приоритетов в принятии внутри- и

внешнеполитических решений национальными правительствами [2].

Данный подход предполагает, что государства, претендующие на статус «великих держав», вынуждены выстраивать альянсы с теми государствами, которые таким статусом не обладают. Именно этот фактор изначального статусного неравенства и определяет структуру и характер взаимоотношений участников внутри альянса.

«Великие державы» сталкиваются со следующими основными проблемами при формировании альянсов. Первая и главная проблема состоит в том, что именно «великая держава» как доминантный актор альянса берёт на себя основные издержки по его содержанию. Основной тип издержек, который фиксируется в данном случае, – это издержки по оказанию услуг безопасности. Как показали в классической статье М. Олсон и Р. Зекхаузер, «великие державы» внутри любого альянса всегда несут непропорционально большие издержки по обеспечению безопасности, тогда как малые участники от этого освобождаются [3]. Вторая проблема связана с асимметрией распределения ответственности акторов внутри альянса: чем более асимметрично распределены ответственность и роли в альянсах, тем они устойчивее. Однако асимметричность создаёт угрозу неограниченного доминирования «великой державы» над остальными участниками альянса, что может в перспективе породить оппортунистическое поведение «младших» партнёров по альянсу.

Таким образом, успех любого альянса предполагает наличие доминантного актора, берущего на себя основное бремя расходов, но при этом фиксированные гарантии с его стороны относительно непредсказуемого переопределения правил игры и различных возможностей его доминирования. В любом случае с позиций «младших» участников альянса всегда существует про-

блема доверия к взятым обязательствам со стороны «великой державы». Это, в частности, означает, что если держава-гегемон активно манипулирует обязательствами и правилами игры, это радикальным образом влияет на горизонты планирования своего участия «малых» акторов в альянсе, провоцируя именно оппортунистическое поведение, что подчёркивалось выше.

При формировании стратегии развития альянса, как показывает неореалистский подход в теории международных отношений, необходимо учитывать саму структуру международных отношений [4]. Имеется в виду тот факт, что формирование и развитие альянсов в условиях биполярной структуры имеют принципиальные отличия от аналогичных процессов в условиях многополярной системы или перехода к ней (что, собственно, и переживает современная система международных отношений).

В условиях биполярной модели (а именно на этот период выпадает фаза становления Европейского Союза как геополитического альянса) количество гегемонов было радикально минимизировано. Это приводило к тому, что «малые» участники *de-facto* не имели возможности для перехода из одного альянса в другой. Распад биполярной модели и постепенный переход к многополярности не только увеличивает количество держав-гегемонов (возвращение России и Китая), но и создаёт для «малых» участников выгодные тактические возможности маневрирования между «великими державами». В частности, это может выражаться в том, что «малые» участники могут вырабатывать ситуативные стратегии так называемого «мягкого балансирования» для извлечения собственной выгоды из конфликта между «великими державами» [5]. Соответственно мы можем говорить о том, что между «великими державами» в условиях многополярной структуры существует конкуренция за потенциальных и реальных партнёров по альянсу. Этот фактор конкуренции за «малых» участников провоцирует «великие державы» вырабатывать такие внешнеполитические стратегии, которые были бы привлекательны для этих «малых» участников.

Как показывают исследования международных альянсов, идеологический фактор, как правило, играет второстепенную роль. Приоритет отдаётся прагматическим интересам безопасности и экономической выгоды. Вместе с тем экономикоцентричное видение евразийской интеграции ставит под вопрос экономические выгоды державы-гегемона (в данном случае – России). Как показывает проделанный И.В. Андроновой анализ промежуточных итогов функционирования ЕАЭС, в сложившихся условиях Россия несёт экономические издержки, связанные с перераспределением ввозных пошлин, изменениями в сфере транспортной логистики, притоком контрабандных и контрафактных товаров на российский рынок, резкспортом продукции, попавшей под российские контрсанкции, и т.п. [6] Иными словами, экономическая рациональность, предполагающая максимизацию именно экономических

выгод от интеграции, не может быть объяснительным принципом для понимания российской стратегии действий внутри ЕАЭС. Как отмечает М.В. Братерский, «Россия начала создавать региональные организации экономической интеграции для укрепления своих глобальных позиций в политико-экономической системе. С помощью такой политики Россия пытается укрепить свое конкурентное положение в глобальной системе» [7. С. 65].

Кроме того, излишнее педалирование какой-то конкретной идеологической версии будущего того или иного альянса со стороны «великой державы» может отпугнуть режимы, которые придерживаются иных идеологических установок. В этой связи отметим, что эксплуатация советско-имперской риторики и соответствующих ей мифологем при строительстве Евразийского экономического союза, безусловно, является проигрышной стратегией со стороны России.

Стоит также учитывать, что чрезмерное давление со стороны «великой державы» внутри альянса может сделать и делает реальным фактом мировой политики привлекательность другого гегемона для «малых» участников внутри данного альянса. Такое поведение можно обозначить как тактику «меньшего зла», когда, например, США могут рассматриваться как более привлекательный партнёр для чрезмерно давящего на «малого» участника альянса России или Китая [8]. Фактически, тактика «меньшего зла» – это ответ «слабых» акторов международных альянсов на такую стратегию гегемона, которую можно обозначить как «принуждение к партнёрству».

Таким образом, подводя промежуточный итог, необходимо подчеркнуть, что формирование стабильных международных альянсов предполагает несколько ключевых характеристик:

- 1) асимметричный статус участников альянса (опозиция «великая держава» – «малые» акторы);
- 2) большинство издержек, в первую очередь в сфере безопасности, берёт на себя держава-гегемон;
- 3) в условиях формирования многополярной модели международных отношений «великие державы» вынуждены конкурировать за «малых» участников и формировать стратегии поведения и развития альянсов, которые были бы привлекательны для этих «малых» акторов, а не выстроены в логике «принуждения к партнёрству».

Геополитический контекст расширения и развития ЕАЭС. Новые реалии, в которых разворачивается процесс евразийской интеграции в формате ЕАЭС, определяется целым рядом факторов, имеющих средние и долгосрочный временной лаг воздействия на характер интеграционных процессов и на мировую политику в целом. Имеет смысл кратко охарактеризовать наиболее значимые из них.

1) **Закат американской гегемонии и формирование нового мирового порядка.** Этот тезис подтверждается разработками в области исторической макроэкономологии как в формате мир-системного моделирования

ния международных отношений, так и с точки зрения неовеберианской социологии глобализации [9–11]. Это означает, что США будут стремиться к усилению своего участия в конкуренции за новых «малых» участников выгодных им международных альянсов и выстраивать стратегии их развития с учётом формирующихся интересов этих «малых» акторов¹. Поэтому США следует рассматривать как основного конкурента в этой сфере, а основным американским ресурсом – в первую очередь военную и финансовую мощь.

Вместе с тем закат американской гегемонии позволяет «малым» акторам диверсифицировать риски участия в альянсах и рассматривать Россию как актуального партнёра в статусе «великой державы». Такая ситуация даёт России шанс серьёзно интенсифицировать интеграционные процессы в выигрышном для себя направлении.

2) **Эмансипация Китая и возвращение этой стране статуса «великой державы» и «мировой фабрики».** Это означает, что евразийское пространство становится сферой пересечения геополитических интересов России и Китая. При этом Китай, так же, как США, может рассматриваться как реальный конкурент в статусе гегемона при формировании различных альянсов на евразийском пространстве. Подчеркнём при этом, что гегемониальная стратегия Китая имеет ряд принципиальных отличий от американского аналога. Прежде всего, речь идёт о том, что Китай позиционирует себя в качестве экономического партнёра и отчасти спонсора региональных экономических проектов, не претендуя на контроль над политическими институтами и навязывание собственной идеологии как в виде неолиберальной версии глобальной демократии и универсальных прав человека, так и в виде радикальных версий политического ислама. Это делает Китай весьма привлекательным для постсоветских режимов, которые, пользуясь китайской ресурсной базой, не обязаны брать на себя обязательства по реформированию и демократизации политических институтов. Для России это актуализирует необходимость сопряжения проекта евразийской интеграции и китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути [12].

3) **Фактор «арабской весны»,** который означает коллапс государственности светского типа и стремительную религиозно-политическую радикализацию местного населения арабских стран, одной из основных причин которой является демографический фактор, выраженный в так называемом феномене «молодёжного бугра» [13]. Именно молодёжь, проживающая в городах, но не имеющая серьёзных перспектив социализации и восходящей вертикальной мобильности, становится основной средой для рекрутирования боевиков и радикальных экстремистов. Фактор «арабской весны» создаёт экзистенциальную угрозу светским режимам Центральной Азии, поскольку ислам предлагает идеологическую альтернативу неэффективным и «прогнившим», с точки зрения религиозных активистов,

режимам, тем более что ислам является укоренённой на данной территории религией, имея свою собственную внутриисламскую историю расколов и конфликтов. Такая ситуация, безусловно, подталкивает правящие элиты этих стран к поиску надёжных партнёров, которые бы смогли обеспечить их надёжными ресурсами для противостояния исламской угрозе.

4) Тесно связанным с предыдущим является **фактор военно-религиозной мобилизации в формате международного терроризма.** Он вынуждает как страны Центральной Азии, так и «великие державы» определённым образом выстраивать антитеррористические коалиции. Впрочем, для многих трезво оценивающих ситуацию политических элит рассматриваемого макрорегиона становится очевидным неспособность «коллективного Запада», возглавляемого США, реально противостоять угрозам, исходящим от Исламского Государства. В такой ситуации эффективный курс на борьбу с террористической угрозой ИГ, демонстрируемый Россией, может стать дополнительным фактором консолидации вокруг неё «малых» участников ЕАЭС, заинтересованных в военно-технологических ресурсах лидера ЕАЭС.

5) **Фактор слабости постсоветских государств.** Необходимо учитывать тот факт, что государства, которые формировались на пространстве бывшего Советского Союза, нельзя рассматривать как состоявшиеся, высокoeffективные монополии легитимного насилия в сфере безопасности, нормотворчества и налогообложения. Так или иначе с разной степенью остроты слабость политических новообразований является хорошо просматриваемой с аналитической точки зрения характеристикой постсоветского пространства [14, 15]. Наиболее радикальным и трагичным является украинский случай распада государственности и диффузии насилия [16]. Впрочем, подобные сценарии не исключены и для других режимов.

6) Актуальной характеристикой политических режимов многих постсоветских стран является не только слабость государства, но и **фактор старения элит и выход ряда стран – участников ЕАЭС в фазу их смены** (наиболее актуальным здесь является случай Казахстана). Фактор старения способен дезинтегрировать элиты, породив фракционные расколы, что может запустить механизмы утраты политического контроля за территорией и распад государства. Кроме того, внутри элит существуют различные поколенческие страты, ориентированные на разные интересы и ценности, за которыми стоят разные геополитические акторы. Подчеркнём, что с точки зрения исторической макросоциологии, именно раскол элит, а не восстание народа «снизу», является триггером, запускающим механизм распада государства [17, 18].

ЕС и ЕАЭС как альтернативные модели альянсов. Одним из возможных способов формирования стратегии развития ЕАЭС может служить малоперспективный, с нашей точки зрения, вариант институци-

онального переноса тех моделей и практик, которые были характерны для Европейского Союза. Как отмечает ряд российских авторов, «долгое время экспертное и научное сообщества были склонны идеализировать европейский опыт интеграционного строительства и, соответственно, модель традиционного регионализма. Попытки их слепого копирования на постсоветском пространстве на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. не принесли результатов» [19]. В этой связи нам представляется принципиально важным подчеркнуть, что **ЕС и ЕАЭС необходимо рассматривать как два различных варианта международных альянсов**. Существующие различия можно описать следующим образом:

1) ЕС формировался в условиях биполярного мира, а позже развивался в условиях краткосрочной американской гегемонии. Это означало, что издержки по обеспечению безопасности и обороны несли в основном Соединённые Штаты. Это позволяло европейским странам концентрировать ресурсы в сфере экономического развития и социальной политики, выразившейся в формировании различных европейских версий «государства всеобщего благоденствия», которое на данном этапе переживает глубокий кризис. Результатом существования американского военного «зонтика» стали демилитаризация и пацификация Европы и очевидная для внешних игроков слабость европейской оборонной инфраструктуры. Это обстоятельство даёт США возможность манипулировать своими европейскими партнёрами, которые де-факто не способны самостоятельно планировать и осуществлять результативные военные операции (что показал опыт кампании Франции и Великобритании в Ливии в 2011 г.).

В отличие от ЕС ЕАЭС стартует в условиях разложения монополярности и складывания основ многополярного мира, выражающихся в подъёме значения стран БРИКС в решении мировых проблем и роста их удельного веса в мировой экономике. В текущих реалиях у стран ЕАЭС есть альтернативные форматы сбора «гаранта безопасности».

2) Страны ЕС не обладают общим имперским прошлым. Они не были ни инфраструктурно, ни культурно едины. В свою очередь страны, входящие в состав ЕАЭС, являются бывшими республиками Советского Союза, которые сохраняют не только некоторые остаточные советские институты, но и общую коллективную память, значимую для старших поколений этих государств и их актуальных политических элит². Этот фактор общей культурной памяти, безусловно, можно считать наиболее значимым символическим ресурсом, работающим на поддержание идеи и институтов ЕАЭС. С уходом этих поколений в историю фактор символической политики и политики «мягкой силы», ориентированной на вновь входящие в жизнь поколения, приобретёт критически важное значение.

3) Европейские государства, участвовавшие в создании ЕС, – это национальные государства (*nation states*) со сформировавшимися идентичностями и эф-

фективными механизмами социального обеспечения. Очевидно, что постсоветские государства таковыми не являются. Это означает, что **сам характер государственности субъектов этих альянсов различен**. В первом случае перед нами продукт длительного исторического развития, хоть и переживающий кризис и утрату части суверенитета. Во втором случае мы имеем дело с продуктами распада Советского Союза по административным границам, что обуславливает несовпадение культурных и политических границ [21, 22].

4) Вошедшие в ЕС государства с точки зрения механизмов ресурсоизвлечения в основном ориентируются на так называемую фискальную стратегию. Эта стратегия предполагает отлаженное государственное администрирование сбора налогов, что в свою очередь ведёт к сближению государства и общества, работая над повышением дееспособности государства и подотчётности по отношению к населению³. Такой механизм ресурсоизвлечения вовлекает граждан в политический процесс и приводит к тому, что они начинают рассматривать монополию легитимного насилия как машину по предоставлению налогоплательщикам общественных благ.

В свою очередь, из пяти государств-участников ЕАЭС два основных – Россия и Казахстан – до последнего времени тяготели к модели рентного ресурсоизвлечения за счёт высоких цен на углеводороды и сырьё. А другие участники унаследовали индустриальную инфраструктуру от Советского Союза и в некоторых сегментах переживают процессы активной архаизации экономической жизни, что ставит на повестку дня этих стран задачу выработки нового антикризисного экономического курса, ориентированного на реиндустриализацию и современные технологии экономической безопасности, стремящиеся минимизировать непредсказуемые факторы глобального рынка.

Исходя из концептуальной рамки теории альянсов и тех новых геополитических реалий, которые были кратко обозначены выше, можно наметить два возможных варианта стратегии развития ЕАЭС.

Первый вариант стратегии – «принуждение к партнёрству» – следует рассматривать как заранее проигранный и нереализуемый. Основными недостатками этой стратегии являются завышение фактора военной силы и весьма возможное одностороннее навязывание интересов державы-гегемона в качестве интересов всего альянса, что приведёт к нарастанию напряжённости внутри альянса и поиску его «малыми» участниками других держав в качестве альтернативного гегемона.

Второй вариант стратегии – «конструктивное партнёрство». Он предполагает, что Россия рассматривает себя внутри данного союза как «великую державу», берушую на себя основные издержки по его содержанию. При этом Россия должна понимать, что она является одним из конкурентов, стремящихся консолидировать вокруг себя «малые» государства. Сами «малые» государства будут постоянно балансировать меж-

ду разными центрами силы и требовать различных предпочтений. Очевидно, что подписанные договоры не будут препятствиями для различных стратегий торга с гегемоном.

Успех стратегии «конструктивного партнёрства» может быть обеспечен за счёт:

- эффективных совместных проектов реиндустриализации национальных экономик, ориентированных на внутриевразийский рынок;
- совместных проектов в сфере обороны политики, военно-политического сотрудничества и профилактики террористических угроз;

– активного продвижения светских моделей культурной и молодёжной политики.

Стоит особо отметить региональное измерение интеграционных процессов. Регионы, особенно приграничные, должны рассматриваться не как транзитные территории для централизованных потоков ресурсов и товаров, а как территории развития, формирующие адекватную инфраструктуру, создающую долгосрочные условия для инвестиций в современную социальную среду. Именно коммуникации на уровне регион – регион внутри ЕАЭС могут в долгосрочной перспективе сформировать фундамент стабильности данного геополитического альянса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Демонстрируемая администрацией Д. Трампа попытка минимизировать поддержку союзников с целью сконцентрироваться на решении внутривнутриполитических проблем встречает устойчивое сопротивление американских элит, рассматривающих заявленную внешнеполитическую стратегию новой администрации как угрозу положению США как державы-гегемона.

² Подробнее об идее имперского центра в политической культуре Запада см. [20].

³ Подробнее о разных версиях ресурсоизвлечения и государственного строительства см. [23–25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Walt S. Alliances in Unipolar World // *World Politics*. 2009. № 61 (01). P. 86–120.
2. Gelpi Ch. Alliances as Instruments or Intra-Allied Control or Restraint / eds. by H. Haftendorn, R. Keohane, C. Wallander // *Imperfect Unions: Security Institutions over Time and Space*. N.Y. : Oxford University Press, 1999.
3. Olson M., Zeckhauser R. An economic theory of Alliances // *The Review of Economics and Statistics*. 1966. № 48 (3). P. 266–279.
4. Waltz K. *Theory of International Politics*. Mass. : Addison-Wesley, 1979.
5. Pempel T. Soft Balancing, Hedging, and Institutional Darwinism: The Economic-Security Nexus and East Asian Regionalism // *Journal of East Asian Studies*. 2010. № 10 (2). P. 209–238.
6. Андропова И.В. Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11, № 2. С. 7–23.
7. Братерский М.В. Изоляционизм против геополитики: двойственная роль Евразийского союза в системе глобального управления // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11, № 2. С. 58–70.
8. Walt S. *The Origins of Alliances*. Cornell : Cornell University Press, 1990. P. 35–181.
9. *Закат империи США: Кризисы и конфликты*. М. : МА КС Пресс, 2013.
10. Mann M. *Incoherent Empire*, London : Verso, 2003. 278 p.
11. Mann M. The sources of social power. V. 4. *Globalizations, 1945–2011*. N.Y. : Cambridge University Press, 2013. P. 268–321.
12. Скриба А.С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11, № 3. С. 67–81.
13. *Арабский мир после Арабской весны* / под ред. А.В. Коротаева, Л.М. Исаева, А.Р. Шишкиной. М. : URSS, 2013.
14. Hale H.E. *Patronal Politics. Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge : Cambridge University Press, 2015.
15. Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков : Константа, 2006.
16. Козлов С.В. Украинский неопатримониальный режим: от «оранжевой революции» к «евромайдану» // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2014. Т. 10, № 1. С. 31–43.
17. Коллинз Р. *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М. : УРСС, 2015.
18. Голдстоун Дж. *Революция. Очень краткое введение*. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
19. Головин М.Ю., Захаров А.В., Ушкалова Д.И. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 4. С. 61–69.
20. Каспэ С. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. М. : Моск. шк. полит. исследований, 2007.
21. Ноженко М. *Национальные государства в Европе*. СПб. : Норма, 2007.
22. Малахов В.С. *Национализм как политическая идеология*. М. : Изд-во КДУ, 2014.
23. Тилли Ч. *Государственное ресурсоизвлечение и демократия* // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2007. № 4. С. 38–49.
24. Росс М. *Нефтяное проклятие. Как богатые запасы углеводородного сырья задают направление развития государств*. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
25. Brautigam D.A., Fjeldstad O.-H., Moore M. *Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008.

Bereznyakov Dmitry V. Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia). E-mail: bereznyakov@ngs.ru; *Kozlov Sergey V.* Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia). E-mail: feld@ngs.ru

PROJECTING THE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION THROUGH THE PRISM OF THE INTERNATIONAL RELATIONS' ALLIANCE THEORY.

Keywords: alliances; EEC; international relations; hegemonic power; strategy of constructive partnership; strategy of coercive partnership.

Rapid changes in the structure of international relations in the 21st century have led to the emergence of alternate centers of power claiming a “great power” status. Their strategic behavior on the international stage requires theoretical conceptualization reflective of current transformations in international relations. Drawing on methodologies of the international relations' alliance theory the article seeks to define a possible direction of Russia's strategic behavior as a dominant actor in the EAEU. The alliance theory argues that sta-

ble functional alliances in world politics are defined by assymetric statuses of their participants and by the exclusive role of a hegemonic power in providing security. In the course of the emerging post bi-polar structure of international relations hegemonic powers find themselves competing to recruit “minor” alliance members. The stated aim of the article is pursued by applying key principles of the alliance theory to the study of Eurasian integration, by identifying certain key elements of the geopolitical context for the EAEU’s expansion and development, and by defining meaningful distinction criteria for the EAEU and the EU as alliances with different historical, economic, and political foundations. When evaluating the strategic context for the formation of the Eurasian Economic Union, which defines actor behavior of the former republics of the Soviet Union, it is necessary to take into account both the evolved role of the United States as a global hegemonic power and the precipitous increase in the geopolitical weight of China as an alternate power center. Furthermore, a major factor shaping the behavior of post-Soviet states is the growing role of Islam which casts doubt on the secular legitimacy of these polities. Institutional weakness of these states as legitimate power monopolies and the ageing of their elites increase uncertainty risks and drive post-Soviet states to seek partners in order to form alliances, which could ensure stability in their macro-region. In this case uncritical borrowing of the experience of European integration could play a negative role since the formation of the European Union and the formation of the Eurasian Economic Union occurred in different historical conditions. The European Union was formed as a union of stable nation states in the bi-polar structure of international relations with the United States assuming the role of the military resource security provider for that alliance. The Eurasian Economic Union, however is made up only of actors with post-Soviet experience of state building whose elites have been mostly shaped in the political and cultural space of the Soviet era. In the course of this research study, the authors came to conclude that stabilizing the post-Soviet space in the EAEU format requires from Russia as an alliance leader to develop a mode of strategic behavior that would create long term planning horizons, both for Russia and for other alliance members. Such strategy could be defined as “constructive partnership”, which means at its core that Russia will be assuming main costs of maintaining security and coordinating projects of reindustrialization and reconstitution of a shared economic space.

REFERENCES

- Walt, S. (2009) Alliances in Unipolar World. *World Politics*. 61(01). pp. 86–120. DOI: 10.1017/S0043887109000045
- Gelpi, Ch. (1999) Alliances as Instruments or Intra-Allied Control or Restraint. In: Haftendorn, H., Keohane, R. & Wallander, C. (eds) *Imperfect Unions: Security Institutions over Time and Space*. New York: Oxford University Press.
- Olson, M. & Zeckhauser, R. (1966) An economic theory of alliances. *The Review of Economics and Statistics*. 48(3). pp. 266–279.
- Waltz, K. (1979) *Theory of International Politics*. Mass.: Addison-Wesley.
- Pempel, T. (2010) Soft Balancing, Hedging, and Institutional Darwinism: The Economic-Security Nexus and East Asian Regionalism. *Journal of East Asian Studies*. 10(2). pp. 209–238. DOI: 10.1017/S1598240800003441
- Andronova, I.V. (2016) Eurasian Economic Union: Opportunities and Barriers to Regional and Global Leadership. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*. 11(2). pp. 7–23. (In Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-07
- Braterskiy, M.V. (2016) Isolationism versus Geopolitics: The Dual Role of the Eurasian Economic Union in Global Governance. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*. 11(2). pp. 58–70. (In Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-58
- Walt, S. (1990) *The Origins of Alliances*. Cornell: Cornell University Press. pp. 35–181.
- Wallerstein, I., Amin, S., George, S., Bello, W. et al. (2013) *Zakat imperii SShA: Krizisy i konfliktiy* [The Decline of the US Empire: Crises and Conflicts]. Moscow: MA KS Press.
- Mann, M. (2003) *Incoherent Empire*. London: Verso.
- Mann, M. (2013) *The sources of social power*. Vol. 4. New York: Cambridge University Press. pp. 268–321.
- Skriba, A.S. (2016) The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Players, interests and implementation challenges. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*. 11(2). pp. 67–81. (In Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-67
- Korotaev, A.V., Isaev, L.M. & Shishkina, A.R. (eds) (2013) *Arabskiy mir posle Arabskoy vesy* [The Arab world after the Arab Spring]. Moscow: URSS.
- Hale, H.E. (2015) *Patronal Politics. Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fisun, A.A. (2006) *Demokratiya, neopatrimonializm i global'nye transformatsii* [Democracy, neo-patrimonialism and global transformations]. Kharkov: Konstanta.
- Kozlov, S.V. (2014) Ukrainskiy neopatrimonial'nyy rezhim: ot “oranzhevoy revolyutsii” k “evromaydanu” [Ukrainian non-patrimonial regime: From the “Orange Revolution” to the “Euromaidan”]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS – Political Expertise: POLITEX*. 10(1). pp. 31–43.
- Collins, R. (2015) *Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English by N. Rozov. Moscow: URSS.
- Goldstone, J. (2015) *Revolutsiya. Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions: A Very Short Introduction]. Translated from English by A. Yakovlev. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
- Golovnin, M.Yu., Zakharov, A.V. & Ushkalova, D.I. (2016) Economic Integration: Lessons for the Post-Soviet Space. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 60(4). pp. 61–69. (In Russian).
- Kaspe, S. (2007) *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma* [Centres and hierarchies: Spatial metaphors of power and the Western political form]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
- Nozhenko, M. (2007) *Natsional'nye gosudarstva v Evrope* [National States in Europe]. St. Petersburg: Norma.
- Malakhov, V.S. (2014) *Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya* [Nationalism as a political ideology]. Moscow: KDU.
- Tilly, Ch. (2007) *Gosudarstvennoe resursoizvlechenie i demokratiya* [State resource extraction and democracy]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. 4. pp. 38–49.
- Ross, M. (2015) *Neftyanoe proklyatie. Kak bogatye zapasy uglevodorodnogo syr'ya zadayut napravlenie razvitiya gosudarstv* [The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations]. Translated from English by Yu. Kapturevsky. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
- Brautigam, D.A., Fjeldstad, O.-H. & Moore, M. (2008) *Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent*. Cambridge: Cambridge University Press.